

Т. А. Снигирева
**ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ НА СТРАНИЦАХ
 «НОВОГО МИРА» А. ТВАРДОВСКОГО***

Литературно-художественный журнал «Новый мир», которым руководил А. Т. Твардовский в годы «оттепели» и который стал трибуной для писателей-шестидесятников, развивался под знаменем гражданского служения обществу. Считая одной из функций искусства функцию познавательную, «Новый мир» был последовательным приверженцем реалистического способа художественного осмысления действительности, и в этом чувствуется твердая рука А. Твардовского. В программной статье «По случаю юбилея», очерчивая позицию журнала, он пишет: «Предпочтительное внимание журнал уделяет произведениям, правдиво, реалистически отражающим действительность, по формам простым, но отнюдь не упрощенным, чуждым формалистической замысловатости, более близким классической традиции, но отнюдь не избегающим новых средств выражения, оправданных содержанием».¹ В подчеркивании преимущества «факта» над «легендой», особенно если это касалось произведений, посвященных истории страны, А. Твардовский был способен пойти на определенный риск. Так, он (при поддержке редколлегии) принимает полуграмотную рукопись А. Бартова «Побег из колчаковской тюрьмы», пришедшую в журнал «самотеком». Твардовский даже хотел поместить ее в номер, посвященный пятидесятилетию революции, что было бы прямым вызовом официозу. Но и для ординарного номера безыскусный текст о том, «как было тогда на самом деле», вступал в явное противоречие с героической традицией осмысления событий 1917 г. Именно это пленило Твардовского, и именно на это в редакторском предуведомлении он просит читателя обратить внимание: «Он (Бартов — Т. С.) и не пытается показаться иным, чем он есть на

самом деле. Не в пример иным мемуаристам, склонным вольно или невольно несколько преувеличить и выделить свою роль в великих исторических событиях, он предельно скромно и правдив».²

В то же время, характеризуя направление своего журнала, А. Твардовский неоднократно подчеркивал его ведущую ориентацию — *новый мир*, современность — что, надо сказать, часто было весомой мотивировкой отказа в публикации той или иной рукописи. Но журнал весьма охотно предоставлял свои страницы мемуарам, в какой-то степени реабилитировав этот жанр для отечественной литературы. «Новый мир» сосредоточился на трех, но принципиально важных страницах истории советского периода — на революции, коллективизации, сталинских репрессиях.

К революционной тематике журнал относился с большой осторожностью — и из-за того, что приходилось работать с оглядкой на цензуру, и из-за своих собственных внутренних «ограничителей». Разоблачению подвергались «легенды» о революции, при этом установка делалась на ее «факты». Журнал неизменно обращался к работам Е. Драбкиной и упорно печатал их (во второй половине 1960-х гг., правда, все с бóльшим трудом). В 1959 г. были опубликованы ее «Черные сухари», в 1960-м — «Золотая осень», в 1968-м — «Зимний перевал». Приверженность «Нового мира» к творчеству писательницы, если учесть мировоззренческие и этические принципы журнала, вполне объяснима. Е. Драбкина была репрессирована, но вера ее в правоту совершенного в 1917 г. осталась непоколебимой. Российская история знает этот тип людей, навсегда обольщенных революционной романтикой, воспитанных чаще всего в семьях профессиональных революционеров, для которых «общее дело», безусловно, было значимее, нежели «личное счастье». Не случайна оговорка Е. Драбкиной о том, что отца, занятого революционной работой, она знала мало и не хотела знать больше: «...я была целиком поглощена происходившими вокруг событиями и всякий интерес к семье считала проявлени-

¹ Новый мир. 1965. № 1. С. 4.

Снигирева Татьяна Александровна — д.филол.н., профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)
 E-mail: tas0905@rambler.ru

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО — СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования»

² Новый мир. 1968. № 10. С. 77, 78.

ем мелкобуржуазного мещанства».³ Это «монологический» тип личности: в лучшем случае такие люди слышат другого, но признают лишь свою правду и свою правоту.

Показателен фрагмент из «Черных сухарей», в котором Е. Драбкина вспоминает празднование первой годовщины Октября, точнее — открытие памятников революционерам: «...памятники были сооружены в виде прямоугольных кубов, увенчанных приплюснутыми обрубками, изображающих головы. <...> Но нам эти первые детища революции казались прекрасными — и мы были абсолютно искренни, когда с воодушевлением говорили, что памятники эти будут стоять века! А сбоку на это глядела интеллектуальнейшая плесень. <...> Эта плесень слушала философские лекции Шпета, почитала себя поклонницей феноменологической школы Гуссерля, рукоплескала “Вехам”, Милюкову, Струве и Туган-Барановскому, бывала на премьерах пьес Метерлинка, зачитывалась Владимиром Соловьевым, декларировала стихи Вячеслава Иванова. <...> Она, эта плесень, ощупывала памятники колючими глазами, обнаруживала их уродливость, открывала пятна, нанесенные сыростью, тыкала пальцами в язвы и трещины на рыхлом бетоне — и торжествуя предсказывала, что памятники быстро развалятся. Это была их (выделено мною — Т. С.) правда, правда лишая, правда мокрицы».⁴

Процитированный фрагмент — типичный образец советского публицистического стиля (ср.: «политическая физиономия Зоценко», «полумонашенка, полублудница Ахматова» и т. д.). Но фанатики от революции, к которым принадлежала и Е. Драбкина, в отличие от карьеристов от нее, не приукрашивали события, пытались писать о том, «что было», подчас невольно разоблачая себя (например, «прямоугольные кубы, увенчанные приплюснутыми обрубками, изображающие головы», представлены как символ революционеров «всех времен и всех народов»).

Искренность и субъективная честность, так привлекавшие А. Твардовского в книгах Е. Драбкиной, порой приводили к еще одному, также малопредсказуемому результату, о чем свидетельствует ее работа «Зимний перевал», с трудом проходившая цензуру. На основе анализа доступных ей документов Е. Драб-

кина предложила свой, весьма неожиданный и даже опасный, аспект ленинианы, обратившись к последнему периоду жизни Ленина: под пером писательницы его болезнь, оправдывавшая его полнейшую изоляцию и немоту, все больше становилась символом трагедии человека, который отчетливо видел, как в революции побеждает «боковая сила» (выражение А. Платонова), но уже не в силах был что-либо предотвратить или изменить. Изображение Ленина как трагического героя истории в шестидесятые годы было, возможно, не менее странным, чем его сатирический образ, создаваемый в это время другим автором «Нового мира» (А. Солженицын в конце шестидесятых писал работу «Ленин в Цюрихе»).

Революционная тема была сколь опасна, столь и притягательна для журнала, поскольку вела к постановке вопросов, нежелательных для власти, но требовавших разрешения. Прежде всего это вопросы доброй воли и насилия, террора; народных интересов и корысти режима; идеала и реальных итогов революционного преобразования жизни.

В. Лакшин, анализируя в статье «Посев и жатва (трилогия о революции в театре “Современник”» пьесы «Декабристы» А. Зорина, «Народовольцы» А. Свободина, «Большевики» А. Шатрова и их сценическое воплощение, приуроченное к 50-летию Октября, не мог и не хотел обойти ни один из острых углов повторяющейся психологической интриги истории. Так, он пишет, помня о комплексе булгаковского Понтия Пилата, о качественном различии страха на поле брани и страха перед лицом Кесаря-государства: «Одно дело сражаться в общем воинском строю, — размышляет Сергей Трубецкой, герой Бородина, — в открытом поединке, ощущая за спиной поддержку всей армии, страны и государства, и совсем другое — выступать против этого государства в кучке заговорщиков. Тут другая природа страха, когда человек может показаться себе ничтожной, одинокой пылинкой».⁵

В. Лакшин акцентирует внимание и на проблеме «санкционированного счастья», которое навязывается народу любой революцией: «Народовольцы хотят отстаивать народные интересы, как они их понимают, нередко при безразличии, а то и при прямом сопротивлении народной среды. Народовольцев на их крест-

³ Драбкина Е. Черные сухари // Новый мир. 1959. № 4. С. 11.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Лакшин В. Посев и жатва (трилогия о революции в театре «Современник») // Новый мир. 1968. № 9. С. 189, 190.

ном пути неизменно сопровождает в спектакле «Современника» народ-стадо, народ-толпа, народ-чернь».⁶

Но самой болезненной проблемой, сразу же вызывающей историческую параллель, в связи с террором как неизменным спутником революции была проблема царубийства, которое, по мнению критика, не могло быть оправдано никакими высшими целями. Лакшин специально останавливается на конфликте между Н. Муравьевым и П. Пестелем: «Смирившись с идеей царубийства как с необходимостью, Муравьев никак не может принять спокойной решимости Пестеля истребить всю царскую фамилию. «Там ведь и женщины, там дети почти», — восклицает он».⁷

Соотношение цели и средств ее достижения — важнейший вопрос, волнующий сознание «оттепели». Тезис о народном характере революции, воплощенный в государственном лозунге «Всё для народа», на страницах «Нового мира» если и не опровергается, то существенно корректируется. Принципиальную роль здесь сыграл роман С. Залыгина «Соленая Падь», посвященный особенностям революционных лет в Сибири, роман, который, к огорчению главного редактора «Нового мира», был плохо прочитан и не оценен по достоинству. Твардовский увидел в нем главное: народ необходим власти только для аранжировки (живой заслон из женщин, стариков и детей, прикрывающий одну из враждующих сторон), или как «пушечное мясо» (Л. Толстой) во время войн, или как «мясо освобождения» (А. Герцен) во время революций.

Именно с этой точки зрения рассматривалась журналом и его главным редактором «антисталинская литература», которая после публикации повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» присылалась преимущественно в «Новый мир». Без преувеличения можно сказать, что появление этой повести раскололо общество на два лагеря, точно так же, как и XX съезд партии, что еще раз доказывало особое могущество художественного слова в России. В. Лакшин очень точно назвал свою статью, посвященную повести, «Иван Денисович, его друзья и недруги».⁸ Враги Ивана Денисовича стали врагами журнала, его друзья — друзьями «Нового мира». Содержание

критической атаки, развернувшейся на страницах «Литературной России», «Дона», «Огонька», «Октября», нельзя сводить (и по прошествии полувека это видно особенно отчетливо) к сугубо политическому смыслу. Речь шла о кардинальных проблемах национального мироощущения, о приоритетных ценностях бытия: о том, что человека уважать или любить надо (отношение к Шухову); что освобожденный или подневольный труд есть основа социалистического образа жизни (эпизод кладки стены на ТЭЦ); о соотношении внутренней и внешней свободы (образ баптиста Алеши); о том, что такое народ и есть ли пропасть между российской интеллигенцией и русским народом (образ Цезаря Марковича); о вере истинной и вере мнимой, о проблеме глобальной иллюзии, которой может жить человек (кавторанг) и т. д.

Очень осторожно, дозированно публикуя тексты, связанные с годами репрессий (в портфеле «Нового мира» было немало рукописей, которые не только не прошли цензуру, но и были отклонены самой редколлегией), журнал, в отличие от второй волны десталинизации (конец 1980-х гг.), никогда не шел на перечисление «через запятую» ошибок, «грехов» и преступлений Сталина. Его интересовало не явление, но закон, не столько сам Сталин, сколько феномен «культы личности», создавший ситуацию уничтожения народа руками самого народа. И в этом смысле «Новый мир» о скалах тоталитаризма почти все, «перестроечное» же время «ознаменовалось» лишь количественным ростом фактов, но не углублением сущностных характеристик.

Да, А. Твардовский не смог опубликовать проанонсированные романы «Белые одежды» В. Дудинцева (первоначальное название — «Неизвестный солдат») и «Дети Арбата» А. Рыбакова. В корректуре остались роман А. Бека «Новое назначение» (первоначальное название — «Сшибка»), дневники К. Симонова, последняя поэма самого главного редактора «По праву памяти», не говоря уж о «Раковом корпусе» и «В круге первом» А. Солженицына. А. Твардовский не захотел публиковать «Софью Петровну» Л. Чуковской и никогда бы не напечатал повесть Б. Дьякова «Пережитое», в которой лагерь изображен сквозь призму исковерканного режимом сознания, усвоившего и принявшего правила советской (= лагерной) игры.

Рецензируя книгу Ю. Трифонова «Отблеск костра», которую автор посвятил своему отцу,

⁶ Там же. С. 196.

⁷ Там же. С. 185.

⁸ Новый мир. 1964. № 1. С. 223–245.

принадлежащему когорте «пламенных революционеров», репрессированному и погибшему, И. Крамов тонко заметил, что это и рассказ о том, «как это было», и раздумье о том, как «1937 год» повлиял на сознание последующих поколений. Ю. Трифонов оговаривается, что пишет «книгу не о жизни, а о судьбе», автор же рецензии считает, что именно в этом главная победа писателя: «Книга о судьбе. Добавлю — и о времени. <...> Судьба выразила время, а время определило судьбу».⁹

«Новый мир» интересовали произведения не о сталинизме как таковом (хотя десталинизация была одним из важнейших сюжетов журнала), а о судьбе страны в эпоху сталинизма. Поэтому «говорящей», исторически важной цифрой для журнала был не только «1937 год», но и «1917-й», «1929-й», и «1953-й».

В шестидесятые годы в «Новом мире» был опубликован целый ряд произведений, так или иначе затрагивающих проблему «искажения ленинских норм жизни», но с неизменной уходящих от изображения сугубо политических аспектов этой проблемы: воспоминания А. В. Горбатова «Годы и войны», главы «Друг детства» и «Так это было» из поэмы А. Твардовского «За далью — даль», «Тёркин на том свете», рассказ А. Солженицына «Случай на станции Кречеткова», повесть Ю. Домбровского «Хранитель древностей». Особое место в этом ряду занимает повесть С. Залыгина «На Иртыше (Из хроники села Крутые Луки)». Не случайно А. Твардовский ценил ее не менее «Одного дня Ивана Денисовича» и наравне со своим любимым романом «Соленая Падь». Пожалуй, впервые именно в этой повести прозвучала мысль, ставшая общепринятой только в конце восьмидесятых годов: коллективизация есть облава на народ. Трудно понять, как этот текст сумел пройти цензуру.

Письмо С. Залыгина Б. Заку (12 января–18 декабря 1964 г.) свидетельствует о том, что писатель вкладывал в первоначальное название своей повести — «Перекус» — особый смысл и долго не хотел с ним расставаться, поскольку оно «сразу же вводит нас в атмосферу того времени. Тогда говорили “перегиб”, а по-деревенски — “перекус”. Тогда эти слова бытовали, теперь раскрывается их смысл, содержание».¹⁰ Временная дистанция «тогда — теперь», хроника села Крутые Луки и авто-

рское знание исхода данной истории создают особую тревожную атмосферу повести: истинная трагедия русской деревни — ее гибель — впереди. И это интуитивно осознает главный герой повести Степан Чаузов. В финальной сцене он охвачен неясной тревогой: «Отбился я, вроде, мужики. Нонче отбился».¹¹ В отличие от героя, автор знает, как Степан — со своим трудолюбием, врожденным чувством справедливости, абсолютным авторитетом среди односельчан — опасен для новой власти. Он — носитель традиционной нравственности, приверженец «старых» ценностей, тот тип мужика, на котором держалась русская деревня, а следовательно, вся Россия. Именно поэтому он не только не нужен, но и, более того, опасен, как был опасен для нового способа общезжития Григорий Мелехов. Корякин, «бывший мужик», цену Степану Чаузову знает: «Повторяю: носитель он индивидуализма и собственности. Он всегда между нами и сознательными трудящимися колхозниками стоять будет. <...> Я на пожаре не был, но ясно себе представляю, кто за кем шел. Нынче Чаузов Степан шел пожар тушить, а завтра он пойдет колхоз рушить, а некоторые мужики его на этот случай берегут. Таких, как Чаузов, навсегда надо от масс изолировать, избавиться от их влияния».¹² «На Иртыше» С. Залыгина — большая удача «Нового мира», поскольку эта повесть соединила в себе и историко-социальную, и нравственную правду о судьбе русской деревни в XX в.

Внешне следуя общепринятому делению современной ему литературы по тематическому признаку (военная, колхозная, историко-революционная, производственная, нравственно-бытовая тематика), «Новый мир», во-первых, не ограничивался лишь этим принципом подхода к литературному процессу, во-вторых, и в устоявшемся тематическом аспекте вел свой исследовательский сюжет, оценивая и отбирая тексты любой тематики с точки зрения единства «истины — добра — красоты», в журнальном обиходе обозначаемого как «правда жизни — позиция писателя — качество литературы». Поэтому «колхозная тематика» превращалась в тему судьбы русской деревни в XX в., «историко-революционная» — в проблему «человек и история» или «человек и тоталитарный режим».

⁹ Крамов И. Судьба и время // Новый мир. 1967. № 3. С. 252.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 9. Д. 122.

¹¹ Залыгин С. На Иртыше // Новый мир. 1964. № 2. С. 48.

¹² Там же. С. 75.

Ключевые слова: *литературно-художественный журнал, направление журнала, «оттепель», история и литература, история советской эпохи, факт, вымысел*

Tatiana A. Snigireva

Doctor of Philological Science, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: tas0905@rambler.ru

HISTORY OF THE SOVIET EPOCH ON THE PAGES OF A. TVARDOVSKY'S "NOVY MIR"

The articles shows that the strategy of "Novy Mir" magazine during its "classic" period (1958–1970) was determined by the ideological position of the board and its editor-in chief. Such categories as "the good", "justice", as well as commitment to truth, unconditional supremacy of "fact" over "legend" formed the basis for assessment of artistic merits of any text, including the publications on the history of the Soviet era.

Key words: *literary magazine, magazine trend, the Thaw, history and literature, history of the Soviet era, fact, fiction*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Drabkina Ye. *Novyy mir* (New world), 1959, № 4, pp. 11–41. (in Russ).
Kramov I. *Novyy mir* (New world), 1967, № 3, pp. 250–254. (in Russ).
Lakshin V. *Novyy mir* (New world), 1964, № 1, pp. 223–245. (in Russ).
Lakshin V. *Novyy mir* (New world), 1968, № 9, pp. 185–199. (in Russ).
Novyy mir (New world), 1965, № 1. (in Russ).
Novyy mir (New world), 1968, № 10. (in Russ).
Zalygin S. *Novyy mir* (New world), 1964, № 2, pp. 12–89. (in Russ).